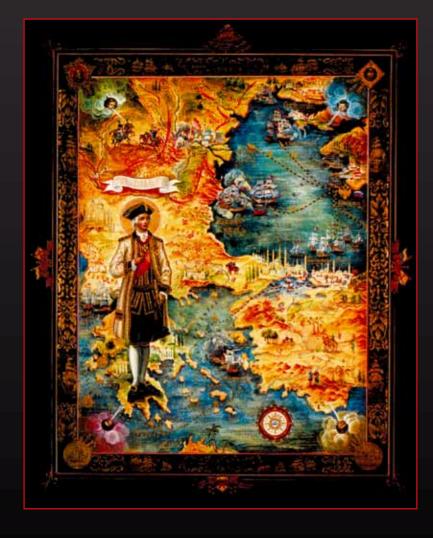
они защищали ОТЕЧЕСТВО

фотоальбом о морских пехотинцах, воевавших в Чечне

He ottanrantega! Gnn ffoenlig eyfn offattatga k gaare foggnn.

Адмирал Императорского Русского флота Ф.Ф. Ушаков

Икона святого праведного воина Феодора Ушакова, небесного покровителя военных моряков

ОНИ ЗАЩИЩАЛИ ОТЕЧЕСТВО

фотоальбом о морских пехотинцах, воевавших в Чечне

Санкт-Петербург 2010 Текст: Сергей Галицкий, Сергей Васильев

ШТУРМ **ГРОЗНОГО**

Рассказывает Герой России полковник Андрей Юрьевич Гущин:

- Во время взятия Грозного в январе 1995 года я в звании капитана был назначен исполнять обязанности заместителя командира 876-го отдельного десантноштурмового батальона 61-й отдельной Киркенесской Краснознаменной бригады морской пехоты Краснознаменного Северного флота. Батальоном командовал подполковник Юрий Викентьевич Семёнов.

Когда в декабре 1994 года только началась Первая чеченская кампания, разговоры о возможном участии в ней морских пехотинцев Северного флота пошли сразу. Но особого шока по этому поводу мы не испытывали. Ведь никто толком не знал, что же на самом деле происходит в Грозном. О кровопролитных боях и многочисленных потерях по

телевизору не рассказывали и в газетах не писали. Замалчивали. О масштабе задач, которые нам предстояло выполнять, мы представления не имели и добросовестно готовились к защите важных объектов и осуществлению паспортного контроля.

Но всё в один час изменилось, когда в первые дни января 1995 года мы узнали о гибели солдат и офицеров Майкопской мотострелковой бригады. Стало ясно: ситуация в Чечне вовсе не такая, какой виделась изначально.

А в Рождество 7 января в семнадцать часов в бригаде сыграли тревогу. И уже ночью того же дня десантно-штурмовой батальон находился на аэродроме дальней авиации в Оленегорске. Оттуда 7 и 9 января самолётами нас перебросили в Моздок.

Часа через три после посадки в Моздоке нам приказали выгружать из вертолётов раненых, эвакуированных из Грозного. Считаю, что это была ошибка. Парни в окровавленных бинтах кричат, стонут... И ещё давай нашим бойцам рассказывать: «Там настоящий ад! Куда вы идёте?!.» И если до этого у всех чувствовалась просто напряжённость, то тут уже в глазах бойцов появился на-

стоящий страх. Потом пришла и злость. (Но это было позже, когда в бою мы начали терять своих.)

Нельзя забывать, что собственно морских пехотинцев в батальоне было всего человек двести из тысячи ста, остальные — моряки с подводных лодок, надводных кораблей, из береговых частей, подразделений охраны и обеспечения. А что видел моряк в подводной лодке или на корабле? Служба у него в тёплом помещении, в уюте... Автомат в руках такой матрос держал в лучшем случае только во время приведения к Военной присяге. А тут холод, грязь, кровь...

Но вот что удивительно: этот страх стал для них спасительным, мобилизуя и дисциплинируя людей. Теперь, когда офицеры объясняли матросам, как себя вести в боевых условиях, как передвигаться, как искать укрытие, повторять дважды не приходилось, всё понимали с полуслова.

1-я десантно-штурмовая рота батальона из Моздока на «вертушках» сразу ушла в Грозный, в аэропорт Северный. Остальные пошли колонной, всего около тридцати машин с одним бронетранспортером охраны. Остальная техника бронегруппы сразу вышла из строя.

Грязь на дороге была непролазная, и два наших «урала» с боеприпасами отстали. Комбриг. подполковник Борис Филагреевич Сокушев, мне говорит: «Гущин, садись на броню и езжай, ищи машины с боеприпасами». А уже темень наступает. Еду прямо через аэродром. Выстрелы!.. Останавливаюсь. Какой-то генерал спрашивает: «Куда едешь?». Я: «Комбриг отправил машины искать». Он: «Назад! Через аэродром в темноте ездить нельзя». А темнеет уже капитально. Я рванул дальше, разворачиваться некогда. Доехал до первого танка охранения. Останавливаюсь. спрашиваю: «Две машины не видели? Тут буквально час назад колонна проходила». Танкисты: «Возвращайся обратно, темно уже. Здесь зона нашей ответственности заканчивается».

Я запомнил по светлому времени, откуда пришёл. Развернулся и пошёл обратно по старой колее. По дороге меня снова остановил генерал, вроде уже другой. Но я всё равно поехал поперёк аэродрома, объезжать вокруг было некогда. Как оказалось, на аэродроме ждали прилёта министра обороны, поэтому полоса должна была быть чистой.

Комбригу докладываю: «Танкисты порекомендовали вернуться. «Уралы» не нашёл». Он: «Всё нормально, «уралы» пришли». Вот такой был мой первый, можно сказать, пробный рейд.

В Грозном наш батальон придали 276-му мотострелковому полку Уральского военного округа. Командовал им полковник Сергей Бунин. Сначала нам поставили задачу расположиться в аэропорту Северный и занять оборону. Наши боевые подразделения были переброшены авиацией, а тылы отправили по железной дороге (они пришли через две недели!). Поэтому с собой у нас были только боеприпасы и сухой паек на двое-трое суток.

Пехота с нами делилась, чем могла. Но когда мы вскрыли контейнеры и достали рис и макароны, стало понятно, что на складах они хранились очень долго: внутри были червяки, правда уже засохшие. То есть продукты были настолько древними, что даже черви померли. И когда нам подали суп, все сразу вспомнили фильм «Броненосец Потёмкин». Так же, как в кино, в нашем супе плавали черви. Но голод – не тётка. Отгребаешь червей ложкой в сторону и ешь... Вышестоящее командование пообещало, что скоро будет и сыр, и колбаса. Но я этого счастливого момента не дождался.

В ночь с 10 на 11 января наша 3-я десантно-штурмовая рота пошла

брать Главпочтамт. Был бой, но наши ребята взяли его практически без потерь. Сказалась внезапность – боевики их не ждали!...

Сам я в тот момент ещё оставался в Северном, меня назначили временно ответственным за боеприпасы. Но 13 января, когда подъехал начальник склада, я со 2-й ротой поехал в Грозный ознакомиться с обстановкой.

Обстановка эта оказалась страшная. Миномётные обстрелы, постоянные разрывы... Кругом прямо на улицах много трупов гражданских, стоят наши подбитые танки без башен... Сам КНП (командно-наблюдательный пункт. — Ред.) батальона, куда я приехал, тоже был под постоянным миномётным обстрелом. И минут за тридцать-сорок мне, по большому счёту, всё уже стало ясно...

Тут меня увидел комбриг (он был старшим оперативной группы): «Молодец, что приехал! Сейчас получишь задачу. Десантники дважды здание Совмина брали, дважды их боевики выбивали. Сейчас в Совмине и «духи», и наши. Но десантники понесли большие потери, пойдешь им на подмогу. Бери 2-ю десантноштурмовую роту и противотан-

ковую батарею. Задача – продержаться в Совмине двое суток».

Комбриг дал мне карту 1979 года выпуска. Сориентироваться по ней было почти невозможно: всё вокруг сожжено, развалено. Не видно ни номеров на домах, ни названий улиц... Даю команду ротному готовиться: взять боезапаса столько, сколько сможем унести. И где-то около шестнадцати часов пришёл проводник — мотострелок — с белой повязкой на рукаве.

Пересчитались, проверили и зарядили оружие, патроны дослали в патронник, автоматы поставили на предохранители. Назначили дозорных, которые с проводником пошли впереди. Противотанковую батарею поставили в центр, потому что им идти потяжелее (они несут свои боеприпасы). Сзади нас охранял тыловой дозор. В общем, сделали всё по науке и пошли.

Какими немыслимыми путями нас вёл проводник! Если бы я

ещё раз там оказался, то дорогу, по которой мы шли, не нашёл бы никогда! Мы двигались перебежками через улицы, подвалы... Потом выходили наверх, проходили через пешеходные переходы под землёй... На одной улице попали под обстрел и долго не могли её перейти. Стреляли по нам из всего, из чего только можно: из гранатомётов, из пулемётов, из автоматов...

Наконец куда-то пришли. Проводник махнул рукой: «Вон там

В ОНИ ЗАЩИЩАЛИ ОТЕЧЕСТВО
ОНИ ЗАЩИЩАЛИ ОТЕЧЕСТВО

Совмин, вам туда». И исчез... Осмотрелись: фасад здания рядом вдоль и поперёк изрешечён пулями, пустые оконные проёмы без рам, лестничные пролёты снесены. То там, то тут вспышки от выстрелов, крики на нашем и чеченском языках...

Всего в отряде было сто двадцать человек. Я разделил его на группы по десять человек, и в перерывах между обстрелами мы по очереди перебежали улицу перед Совмином.

Тут видим – из здания универмага десантники выносят своих раненых (от их батальона в живых осталось человек сорок пять). Мы стали им помогать. Универмаг этот входил в комплекс зданий Совета министров Чечни. Весь комплекс напоминал по форме неправильный прямоугольник размером примерно метров триста на шестьсот. Кроме универмага в комплекс входили здания Центробанка, столовой и ещё какие-то постройки. Одна сторона комплекса выходила на берег протекающей через центр Грозного реки Сунжа, другая на дворец Дудаева, до которого было метров сто пятьдесят.

После тридцатиминутной передышки начался бой. И 2-я рота

у меня сразу попала в передрягу: она пошла вперёд, и тут же за ней обрушилась стена дома (с пятого до первого этажа), а сам дом начал гореть. Рота оказались отрезанной и от моего командного пункта, и от противотанковой батареи. Надо было их выводить.

Десантники дали сапера. Он взрывом проделал в стене дома отверстие, через которое мы начали роту вытаскивать. А рота ещё была и огнём прижата – пришлось её прикрывать. Только я вышел из дома во внутренний двор посмотреть, как рота выходит, вижу вспышку - выстрел из гранатомёта! Стреляли прицельно в упор со второго этажа, метров со ста. Я своего связиста на землю повалил, сам сверху упал... Нам очень сильно повезло: в доме было маленькое слуховое окно. И граната попала именно в него, влетела внутрь и там взорвалась! Если бы она взорвалась над нами, мы бы точно погибли.

Когда пыль рассеялась, я стал радиста в подвал затаскивать. Он обалдевший, ничего не понимает... Тут из подвала начал ктото вылезать и кричать явно не по-русски «аларм!» («тревога», англ. - Ред.). Я, особо не раздумывая, дал очередь в подвал и гранату вдогонку забросил.

Только после этого у десантников огня, а своих обратно во дворик спрашиваю: «Наши есть в подвале?». Они: нет, а вот «духи» оттуда постоянно лезут. В центральном универмаге, где мы засели, были, естественно, огромные подвалы. Используя их, «духи» под землёй могли свободно перемещаться и постоянно снизу пытались нас из универмага выбить. (Потом мы узнали, что из этих подвалов шёл подземный ход ко дворцу Дудаева.)

И тут почти сразу «духи» пошли в атаку через Сунжу и открыли по внутреннему дворику перед универмагом шквальный огонь!.. Чтобы от него укрыться, мы забежали в арку и залегли. Тут же к нам прилетают одна за другой две гранаты и под аркой разрываются! Все, кто лежал вдоль стенки, были контужены: пошла кровь из носа, из ушей...

Рвануло под аркой капитально!.. Пулемётчику-десантнику оторвало ноги, его стали вытаскивать. Поворачиваюсь и рядом с собой вижу бойца: у него прямо над головой трассирующая очередь прошла!.. А у нас трассеров не было, нам запретили их использовать. Парень присел ошарашенный, глаза горят в темноте. Я ему: «Живой?». И на себя его дёрнул, чтобы он ушёл с линии

стал выпихивать!.. Вот такой был у нас первый бой.

Подходит офицер-десантник: «Есть промедол?» (обезболивающее средство. – Ред.). У них у самих промедол давно закончился. У меня его было на пять уколов. Из них отдал ему три, а два себе оставил на всякий случай. У десантников к тому времени не только промедол, но и вообще всё закончилось. Мы свеженькие же пришли, поэтому поделились с ними и едой, и патронами.

В этот же день мы захватили столовую Совмина. После этого боя в отряде появилось семь раненых. Бойцы раненые хорохорились, особенно когда с десантниками пообщались: нет, мы останемся. Пусть нас перевяжут, и мы готовы дальше воевать. Но я дал команду при любом ранении, даже касательном, при первой возможности раненых сразу отправлять в тыл. Чтоб ребята живыми остались.

Доктора у нас не было. Помощь бойцам оказывали, фельдшерысержанты - почти мальчишки. Перевяжут раненых, через улицу переведут и назад. Но никто из них в тыл не сбежал.

Всё было очень страшно – совсем не как в кино и не как в книжках. Но настроение у бойцов мгновенно изменилось. Все поняли: здесь надо выживать и воевать, по-другому не получится. Хотя, правды ради, надо сказать, что были и такие, кто со страхом своим не справился. Некоторые вообще, как мыши, в угол забились. Приходилось их из закоулков вытаскивать силой: «Не стой под стеной, она же сейчас упадёт!». Я таких бойцов собрал вместе и приказал: «Будете ползать кругом, собирать магазины, снаряжать их и разносить тем, кто стреляет». И с этим они справились.

Задача оставалась прежней: полностью взять комплекс зданий Совмина, очистить его и выйти к дворцу Дудаева. Мы стали искать пути, где можно было это сделать. Ночью попробовали пройти в обход по улице Комсомольской. Но тут же нарвались на обстрел и залегли посередине улицы на перекрёстке. А вокруг ни камушка, ни воронки... Хоть до стены дома всего-то метров пять, а подняться никто не может: по нам ведут плотный огонь.

Тут боец, который рядом лежал, мне говорит: «Товарищ капитан, у есть меня дымовая грана-

перебросил. Зажгли гранату, я бойцам: «Уходите, мы вас прикроем». Граната горит две минуты, за это время все отошли под поставить на нём растяжки. стены, а мы с Володей Левчуком их прикрываем. Граната гореть Но вдобавок ко всему «духи» перестала, дым рассеялся. Лежим вдвоём на перекрёстке почти вровень с асфальтом, головы не поднять. Но делать нечего, стали отползать назад. А разворачиваться нельзя, ползём задом наперёд. Оказалось, что каска без двойного ремешка на подбородке – очень неудобная вещь: на глаза падает. Пришлось каски мы бросаем вниз гранату и даём бросить. Пятимся дальше. И тут я заметил окно, откуда по нам матную очередь. стреляли! Встал и с колена дал туда длинную очередь... Стрельба тут же прекратилась. Получается, что опередил я «духа» на какую-то долю секунды и успел выстрелить первым. У нас в этот по нам кинжальный пулемётный линию и так далее. А тем, кто раз никто не погиб, хотя раненые и оглушённые были (когда по нам из гранатомёта стреляли, и по верху, в нас полетели гра- дней боёв из ста двадцати челоосколками стены посекло).

десантников выводят полностью, а мы занимаем весь рубеж обороны вдоль реки Сунжи. Для тех боевиков, которые обороняли дворец Дудаева, место это было очень важным: ведь через мост (он стоял целый) боевикам под-

было подвоз боеприпасов полностью прекратить. Сам мост десантура сумела заминировать и

продолжали пытаться вылезти снизу, из подвалов. Ведь пол от взрывов провалился. Но мы уже чётко знали: по подвалам из наших никто не ходит, внизу может быть только противник. Назначили «слухачей», поставили растяжки. Приказ такой: если они слышат шаги, шорохи, то зубах цемент и кирпичная крошдлинную пулемётную или авто-

Лезли боевики и из канализации. Во время очередного боя «дух», лизационного люка, открывает огонь! Воспользовавшись этим, боевики бросились на штурм критическим. Спасение было десят четыре. Тут же нам ставят другую задачу: в одном - немедленно уничтожить пулемётчика. Я рванул из-за Положение тех, кто оборонял стены, одновременно нажав спусковой крючок. Пулемётчик опоздал на долю мгновения, но мне ста мы практически остановили этого хватило... Пулемёт замолчал. «Духи» снова откатились...

та!». Я: «Давай сюда». Он мне её возили боеприпасы. Нам надо Никакой сплошной линии фронта вообще не было, нас долбили с трёх сторон. Относительно свободной оставалась только одна улица, по которой ночью можно было подвозить боеприпасы и воду. Да и воду, если и привозили пару термосов, то делили её на всех. Каждому доставалось совсем понемногу. Поэтому мы брали жижу из канализации и через противогазные коробки пропускали. Что накапало – то пьём. А еды вообще не было практически никакой, только на ка скрипят...

> 14 января у нас появились первые погибшие. Я дал команду в относительно спокойном месте уложить тела в одну линию. Тех, внезапно высунувший из кана- кто погибнет 15 января, должны были сверху положить во вторую останется жив, я поставил задачу рассказать об этом. Всего за пять наты. Положение стало просто век в строю нас осталось шесть-

> > дворец Дудаева, стало очень тяжёлым: ведь с перекрытием моим подвоз боеприпасов. За пять суток к дворцу Дудаева удалось прорваться только одной БМП.

всё остальное мы сжигали ещё на том берегу. И 15 января боевики попытались нас полностью уничтожить: они атаковали нас в лоб прямо через Сунжу. Лезли и по мосту, и вброд через речку. Ближе к дворцу Сунжа глубже, а напротив нас она практически превращалась в неглубокую канаву. Поэтому боевики пошли туда, где мелко и река узкая. Этот участок по ширине был всего метров сто.

Но разведчики доложили заранее, что возможен прорыв. Я связался с командиром миномётной батареи, и мы с ним заранее определились, как они будут нас поддерживать. И часов в семь вечера, когда уже почти стемнело, «духи» пошли на прорыв. Было их очень много, лезли как саранча... Река в это месте шириной всего метров тридцать-сорок, да до стены нашего дома ещё метров пятьдесят. Хотя и было уже темно, вокруг от выстрелов всё светилось. Некоторым боевиками удавалось вылезти на берег, поэтому били мы по ним в упор. Если честно, прицеливаться спокойно, когда такая толпа на тебя прёт, особо некогда. Нажимаешь на спуск - и за несколько секунд выпускаешь весь магазин с рассеиванием. Дал несколько очередей, перезарядил, опять несколько очередей. И так до тех

пор, пока очередная атака не захлебнётся. Но проходит немного времени – и всё начинается сначала. Опять они толпой прут, снова мы стреляем... Но до стен наших зданий из «духов» ни разу За несколько часов мы отбили не добежал никто...

ский» танк. Разведка и про него с миномётчиками боевиков надоложила заранее. Но когда он молотили мы много: по данным всё-таки появился, все тут же мгновенно кто-куда попрятались, залезли в самые дальние щели. А нас вместе с десантниками Вот что значит танкобоязнь! Оказалось, что это вполне реальная десят. вещь. Я: «Всем на место, на позиции!». А бойцы хорошо чувствуют, когда офицер решительно приказ отдаёт. Тут же вернулись на позиции.

Видим танк Т-72, расстояние до него метров триста. Остановился, башней ворочает... Противотанковых гранат у нас не было. Даю команду: «Огнемётчика ко на что. И ещё мы понимали, что мне!». Огнемётчику со «шмелём» (реактивный пехотный огнемет РПО «Шмель». – Ред.) говорю: «Бьёшь под башню и тут же падаешь вниз!». Он стреляет, падает, я наблюдаю за выстрелом. Перелёт... Я: «Давай с другой позиции, бей точно под башню!». Он бьёт и попадает прямо под башню!.. Танк загорается! Танкисты вы-

расстоянии шансов уйти у них не было... Танк этот мы подбили на очень удачном месте, он собой вдобавок ещё и мост загородил.

около пяти лобовых атак. Потом две комиссии приезжали раз-Тогда же к мосту пошёл «духов- бираться. Оказалось, что вместе комиссии, только на этом участке насчитали около трёхсот трупов. было всего-то человек сто пять-

> Тогда у нас была полная уверенность. что мы обязательно выстоим. Матросы за несколько дней боёв совершенно переменились: стали действовать расчётливо и мужественно. Бывалыми стали. И вцепились мы в этот рубеж намертво – ведь отступать некуда, надо стоять, несмотря ни если сейчас отсюда уйдём, то всё равно потом придут наши. И им снова придётся брать этот дом, снова будут потери...

До нас десантников долбили со всех сторон. Боевики воевали очень грамотно: группы по пятьшесть человек выходили или из подвалов, или из канализации, лезли, но жили недолго. На таком или прокрадывались по земле.

Подошли, отстреляли и тем же путём ушли. А им на смену приходят другие. А мы многое сумели заблокировать: закрыли выходы из подвалов, прикрыли себе тыл и не давали атаковать себя со стороны дворца Дудаева.

Когда мы только шли на позиции, нам сказали, что в Совмине только десантники. Но уже в ходе боёв мы установили связь с новосибирцами (они потом прикрывали нас с тыла) и с небольшой группой бойцов из Владикавказа. В результате мы создали боевикам такие условия, чтобы они могли пойти только туда, куда мы им предложили. Они, наверное, и подумали: мы, мол, такие силы подтянули, а Совмин обороняет какая-то горстка. Поэтому и пошли на нас в лоб.

Но мы ещё и с танкистами, которые находились во внутреннем дворе профессионального училища, с тыльной стороны Совмина, наладили взаимодействие. Тактика применялась простая: танк на полной скорости вылетает из укрытия, выпускает два снаряда туда, куда успел прицелиться, и откатывается обратно. В дом с боевиками попал – уже хорошо: перекрытия рушатся, верхние точки противник уже

не может использовать. Потом В ночь с 17 на 18 января подошли я встретил человека, который командовал этими танками. Это генерал-майор Козлов (тогда он был зампотехом какого-то полка). Он мне говорит: «Это я тебя чистая правда.

А в ночь с 15 на 16 января я чуть ка... Лично для меня итог пяти не погиб. К этому моменту сознание уже притупилось от потерь, от всего ужаса вокруг. Наступило какое-то безразличие, пришла усталость. В результате я с радиотелефонистом не поменял свой КНП (обычно я раз пять в сутки менял места, откуда выходил на связь). И когда по рации отправлял очередную сводку, мы попали под миномётный обстрел! Обычно стреляли по и осталось. Кстати, получил я по нам из-за Сунжи из миномётов, установленных на «камазах». По звуку я понял, что прилетела стодвадцатимиллиметровая мина. Страшный грохот!.. На нас с радистом рухнули стена и перекрытие дома... Никогда не думал, что цемент может гореть. А тут он горел, даже тепло чувствовалось. Завалило меня обломками по пояс. Каким-то острым камнем повредило позвоночник (потом я дети: ты для них и папа, и мама. от этого в госпитале долго лечился). Но бойцы меня откопали, и за и, если видят, что ты делаешь надо было продолжать воевать...

главные силы нашего батальона с комбатом и стало полегче – комбат дал команду мой сводный отряд из боя вывести. Когда немного позже я посмотрел на себя у Совмина выручил!». И это была в зеркало, то ужаснулся: на меня глядело серое лицо смертельно уставшего незнакомого человедней войны был такой: я потерял пятнадцать килограммов веса и поймал дизентерию. От ранений меня Бог миловал, а вот травму позвоночника и три контузии получил – разорваны барабанные перепонки (врачи в госпитале сказали, что лёгкое ранение лучше, чем контузия, потому что после неё последствия непредсказуемые). Всё это со мной так страховке за войну полтора миллиона рублей в ценах 1995 года. Для сравнения: на знакомого прапорщика батарея отопления упала. Так он получил столько же.

> Правильные отношения между людьми на этой войне сложились очень быстро. Бойцы увидели, что командир способен ими управлять. Они ведь здесь как Внимательно смотрят тебе в главсё, для того чтобы никто поглупому не погиб, то идут

за тобой и в огонь, и в воду. Полностью доверяют тебе свои жизни. А в этом случае сила боевого коллектива удваивается, утраивается... Мы слышали, что не случайно Дудаев приказал морскую пехоту и десантников в плен не брать, а сразу убивать на месте. Вроде бы при этом сказал: «Героям - геройская смерть».

И ещё на этой войне я увидел, что ОДНИМ ИЗ ГЛАВНЫХ МОТИВОВ, ПОчему мы бились насмерть, было желание отомстить за погибших товарищей. Ведь здесь люди быстро сближаются, в бою все стоят плечом к плечу. Практические результаты боёв показали, что мы можем выстоять в немыслимых условиях и победить. Конечно, сработали традиции морской пехоты. На этой войне мы уже не делили: эти настоящие морпехи, а это матросы с кораблей. Все до единого стали морскими пехотинцами. И многие из тех, кто вернулся из Грозного, не захотели возвращаться на корабли и в свои части и остались дослуживать в бригаде.

Я с большой теплотой вспоминаю тех матросов и офицеров. с которыми мне довелось вместе воевать. Они проявляли, без преувеличения, чудеса героизма и бились насмерть. Чего стоит

только старший прапорщик Григорий Михайлович Замышляк, или «Дед», как мы его называли! Он принял на себя командование ротой, когда в ней не осталось

У меня в роте погиб всего один офицер – старший лейтенант Николай Сартин. Николай во главе штурмовой группы ворвался во двор Совмина, а там оказалась засада. В ребят стреляли в упор... Одна единственная пуля пробила Николаю бронежилет, удостоверение личности офицера и попала в сердце. Трудно в это поверить и не объяснить с точки зрения медицины, но смертельно раненый Николай ещё около ста метров бежал, чтобы предупредить нас о засаде. Последние его слова были: «Командир, уводи людей, засада...». И упал...

А есть такие моменты, которые вообще невозможно забыть никогда. Боец получает пулевое ранение в голову, ранение смертельное. Сам отчётливо понимает, что доживает последние минуты. И говорит мне: «Командир, подойди ко мне. Давай песню споём...». А ночью мы старались только шёпотом разговаривать, чтоб ничего не прилетело с той стороны на звук. Но я понимаю, что он сейчас умрёт, и это его последняя просьба. Сел я с ним рядом, и мы с ним шёпотом что-то спели. Может быть, «Прощайте, скалистые горы», может, другую какую-то песню, не помню уже...

Очень тяжело было, когда мы вернулись с войны и меня посадили со всеми родственниками погибших матросов батальона. Спрашивают: а как мой погиб, а мой как?.. А ведь про многих ты и не знаешь, как он погиб... Поэтому каждый год, когда приходит январь, я во сне продолжаю воевать по ночам...

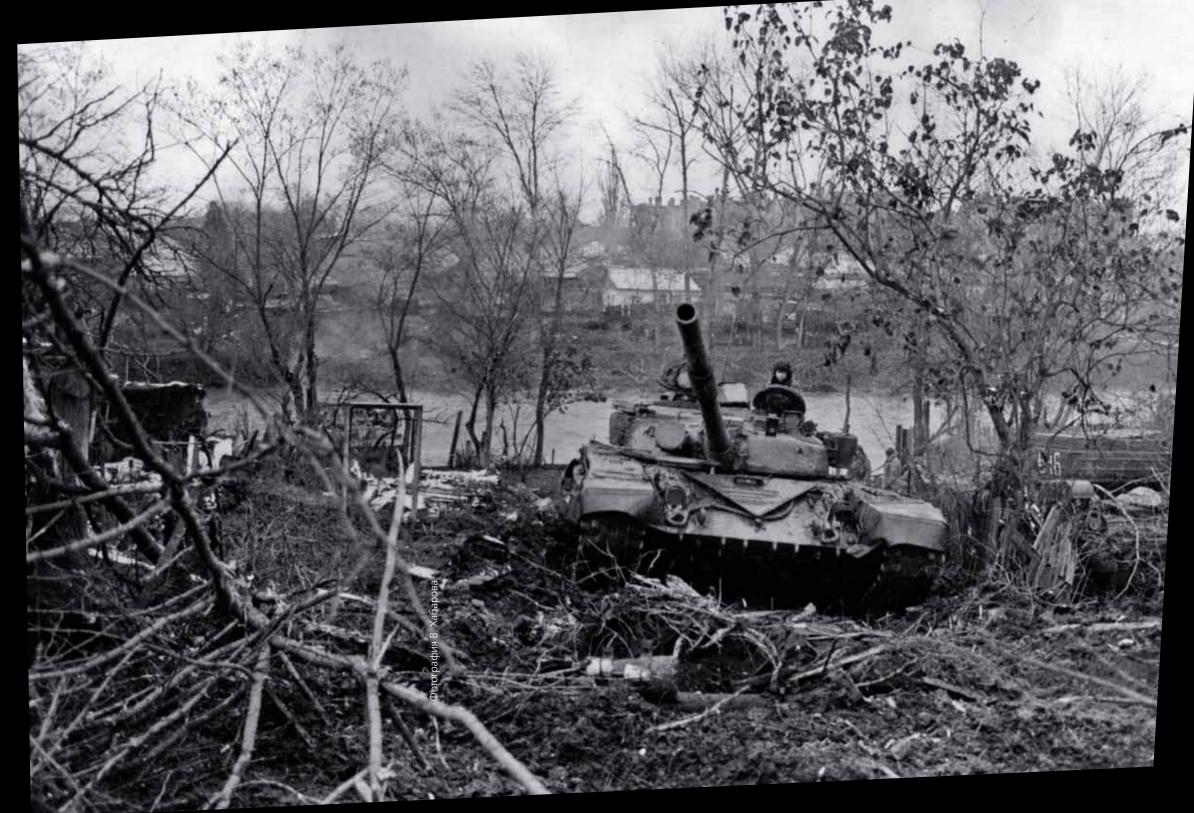
Морские пехотинцы Северного флота справились с поставленной задачей, они не уронили честь Российского и Андреевского флагов. Родина приказала, они приказ выполнили. Плохо, что прошло время, а должной заботы об участниках этой войны нет. Говорят, что Грозный уже отстроился – как Лас-Вегас, весь сияет огнями. А посмотрите на наши казармы – они практически разваливаются...

«ПИТЕРСКАЯ» POTA

Рассказывает капитан 1-го ранга В. (позывной «Вьетнам»):

- Командиром роты морской пехоты я, моряк-подводник, стал случайно. В начале января 1995 года я был командиром водолазной ротой Балтийского флота, на тот момент единственной на весь Военно-морской флот. И тут пришёл вдруг приказ: из личного состава подразделений Ленинградской военно-морской базы сформировать роту морской пехоты для отправки в Чечню. А все пехотные офицеры Выборгского полка противодесантной обороны, которые и должны были ехать на войну, отказались. Помню, командование Балтийским флотом тогда ещё пригрозило их посадить в тюрьму за это. Ну и что? Посадили хоть когото?.. А мне сказали: «У тебя хоть какой-то опыт есть боевой. Принимай роту. Отвечаешь за неё головой».

В ночь с одиннадцатого на двенадцатое января 1995 года я принял эту роту в Выборге. А уже утром надо улетать в Балтийск.

Как только приехал в казармы роты Выборгского полка, построил матросов и спрашиваю их: «Знаете, что мы идём на войну?». И тут полроты падает в обморок: «Ка-а-ак?.. На какуютакую войну!..». Тут они поняли, как их всех обманули! Оказалось, что кому-то из них предложили в лётное училище поступить, ктото в другое место ехал. Но вот что интересно: для таких важных и ответственных дел почему-то отобрали самых «лучших» матросов, например с «залётами» дисциплинарными или даже вообще бывших правонарушителей.

Помню, подбегает майор местный: «Да ты зачем им это сказал? Как их мы теперь будем удерживать?». Я ему: «Ты рот закрой... Лучше мы здесь их будем собирать, чем я потом их там. Да, кстати, если ты не согласен с моим решением, могу с тобой поменяться. Вопросы есть?». Больше у майора вопросов не было...

С личным составом стало твориться что-то невообразимое: кто-то плачет, кто-то в ступор впал... Конечно, были и просто

законченные трусы. Из ста пятидесяти их набралось человек пятнадцать. Двое из них вообще рванули из части. Но такие мне и не были нужны, этих я бы всё равно не взял. Но большинству парней всё-таки перед товарищами было стыдно, и они пошли воевать. В конце концов на войну отправились девяносто девять человек.

На следующий день утром я роту снова построил. Командир Ленинградской военно-морской базы вице-адмирал Гришанов меня спрашивает: «Есть какието пожелания?». Отвечаю: «Есть. Все здесь присутствующие едут умирать». Он: «Да что ты?! Это ведь рота резерва!..». Я: «Товарищ командир, я всё знаю, не первый раз вижу маршевую роту. Здесь у людей семьи остаются, а квартир у них ни у кого нет». Он: «Мы об этом не подумали... Обещаю, вопрос этот мы решим». И слово своё потом сдержал: все семьи офицеров квартиры получили.

Прилетаем в Балтийск, в бригаду морской пехоты Балтийского флота. Сама бригада в то время была в полуразваленном состоянии, так что бардак в бригаде умноженный на бардак в роте дали в итоге бардак в квадрате. Ни поесть нормально, ни поспать.

И ведь это прошла только минимальная мобилизация по одному флоту!..

Но, слава Богу, на флоте к тому времени ещё оставалась старая гвардия советских офицеров. Они-то начало войны на себе и вытянули. А вот во вторую «ходку» (так морские пехотинцы называют период боевых действий в горной Чечне с мая по июнь 1995 года. – Ред.) многие офицеры из «новых» пошли уже на войну за квартирами и орденами. (Помню, как ещё в Балтийске один офицер просился в мою роту. Но мне было брать его некуда. Я тогда ещё его спросил: «Ты зачем хочешь ехать?». Он: «А у меня квартиры нет...». Я: «Запомни: на войну за квартирами не ездят». Позже этот офицер погиб.)

Заместитель командира бригады подполковник Артамонов мне сообщил: «Твоя рота улетает на войну через три дня». А у меня из ста человек двадцати даже присягу пришлось принимать без автомата! Но и те, кто имел этот автомат, тоже недалеко от них ушли: стрелять-то всё равно практически никто не умел.

Кое-как расположились, вышли на полигон. А на полигоне из десяти гранат две не взрываются,